

На новой линии обороны

Юлия Латынина — о том, как поменялись стратегии ВСУ и российской армии после Авдеевки

Дорога к Авдеевке, 14 февраля 2024 года. Фото: Влада Либерова / Libkos / Getty Images

03:00, 1 января 1970,

Юлия Латынина

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На прошлой неделе президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган и Папа Римский почти одновременно предложили Украине и России переговоры. Папа Римский подвергся немедленному осмеянию и отмене (как и Элон Маск год назад). Относительно Эрдогана никто мемов не постил, что показывает, что эти кампании отмены носят вполне режиссируемый и управляемый характер. Папу Римского и Элона Маска отменять безопасней, чем Эрдогана.

Между тем на фронте намечается новый тупик. Российское наступление после взятия Авдеевки понемногу затихло, не столько из-за наличия новой линии украинских укреплений (ее лихорадочно строят), сколько из-за отсутствия у Путина резервов, растраченных под Авдеевкой.

Стратегическая инициатива — у Путина, но использовать он ее не может.

В этих условиях стали особенно заметны два важных последствия новой — дроновой — войны. Дроны стали летать дальше и видеть больше. В результате Украина стала наносить удары дронами по самой уязвимой части российской экономики — по ректификационным колоннам на нефтеперерабатывающих заводах. А российская армия в короткое время уничтожила установку Patriot (точнее, машину с РЛС в составе этого ракетного комплекса), и два HIMARS — что долгое время было заветной и неисполнимой целью Кремля.

Patriot, судя по всему, попался так: это был тот самый разъездной Patriot, который применялся недалеко от линии фронта. Именно такой зенитно-ракетный комплекс, вероятно, уничтожил Ил-76 над Белгородом — предположительно с украинскими пленными, а под Покровском он работал по российским Су-34, сбрасывавшим корректируемые авиабомбы (КАБы). Массовое использование КАБов сейчас является

главным козырем российской армии, и именно оно перемололо Авдеевку.

Пускают их в 30–40 км от линии фронта, так что эффективно достать российский самолет в этих условиях может практически только Patriot. Над горизонтом, вероятно, висел российский дрон. Су-34 оказался одновременно и жертвой, и приманкой. Координаты, откуда ушла ракета, засекали, и по ним сработал заранее выставленный «Искандер». По тому же алгоритму, вероятно, попались и «Хаймарсы».

Это — продолжение той же самой военной логики, которая обрекает на уничтожение Черноморский флот.

В век дронов любая дорогая и крупная цель рано или поздно будет уничтожена — или дешевым дроном, или ракетой, которую наводит дешевый дрон.

Удивительно не то, что российская армия выработала этот алгоритм, а то, что она выработала его так поздно.

Тот же самый алгоритм, впрочем, действует и против самой России — или, точнее, против нефтеперерабатывающих заводов на ее территории. В последние дни они подвергаются систематическим атакам украинских дронов.

Ректификационная колонна — как Patriot. И горит хорошо, и заменить дорого.

Удары по российской технологической инфраструктуре очевидно являются самой логичной стратегией для ВСУ, и едва ли не единственным средством для того, чтобы заставить Путина всерьез задуматься о перемирии. Насколько они будут

успешны, сказать пока трудно.

Украинский военнослужащий несет беспилотник украинского производства «Лелека-100», 15 февраля 2024 года. Фото: Катерина Клочко / EPA-EFE

Удары дронами не стоит переоценивать. Можно, например, привести такой пример. Российская армия почти ежедневно бьет по зерновым терминалам в Одессе «Шахедами», однако перевалка зерна идет своим ходом, и в больших даже объемах, чем во время «зерновой сделки». Конечно, зерновой терминал — это вам не НПЗ. Ну, попал «Шахед» в кучу зерна, и что?

Но ведь и НПЗ можно защитить. Все советские предприятия строились так, чтобы минимизировать ущерб не то что при обычной, а при ядерной войне. Именно поэтому, что на НПЗ, что на металлургических заводах расстояния между производствами огромные. Поэтому заводы занимают много места, платят огромный налог на землю, но в случае войны — мало уязвимы. А на ректификационную колонну можно надеть «курытник», защитить ее от дрона сеткой, тросами.

Дрон — не ракета. Но во всяком случае, это куда серьезней, чем пиар-вторжение Легиона «Свобода России» в село Тёткино в 300 метрах от границы. Впрочем, до Тёткина легионеры, кажется, не дошли. Тикток-войска Кадырова в данном случае встретили достойного конкурента.

Между тем главное происходит на фронте, а там обнаружилась поистине удивительная вещь, а именно — отсутствие украинских укреплений за Авдеевкой. Их уже после падения города спешно начали строить на т. н. «третьей линии обороны», которую в свое время строили еще при президенте Петре Порошенко. Тендеры на это строительство были проведены в декабре, но то ли деньги не могли поделить, то ли гражданские строители, сообразив, что копать придется недалеко от линии фронта, испугались за дорогую технику.

Это, конечно, вызывает естественный вопрос.

Как знает любой зритель всеукраинского телемарафона, виноваты все: русские, которые не свергли Путина, Запад, который не дал снаряды, и пр. Но вот укрепления-то под Авдеевкой кто не построил?

Высокомобильная артиллерийская ракетная система (HIMARS) движется на севере Херсонской области, 29 октября 2022 года. Фото: Hannibal Hanschke / EPA-EFE

Как получилось так, что главнокомандующий Залужный требовал строительства укреплений на каждом военном совете; и летом российская армия продемонстрировала наглядно, что в современной войне мощная линия обороны может остановить любую армию и превратить войну в тупик, — а укрепления не были построены?

Украинская власть совершенно справедливо заявляет, что речь идет о выживании нации. Но почему тогда вся экономика страны не подчинена Генштабу? Как получается, что что и где строить — решает не украинский Генштаб, а политики, которые проводят тендеры?

Тем не менее, российское наступление после Авдеевки продолжалось скорее по инерции, и быстро выдохлось — не из-за наличия укреплений, а из-за отсутствия резервов. А также потому, что Украине наконец начали поставлять снаряды.

В этом смысле можно заметить, что военные поставки Украине происходят по довольно четко обозначенному сценарию. Они практически прекратились после успешных для ВСУ Харьковской и Херсонской операций. Украине не поставляли снарядов, пока Россия брала Авдеевку. А вот когда Авдеевку взяли, и ситуация на фронте стала катастрофической, снаряды срочно нашлись, причем в Болгарии, где их никто и не терял. Мы что, вправду должны верить, что два года Европа не знала: в Болгарии лежат 800 тысяч снарядов советских калибров?

Украину держат на оружейном велфере. Это не столько поставки снарядов, сколько поставка наркотика.

Украинский военнослужащий расписывается на артиллерийском снаряде возле города Бахмут, 7 декабря 2023 года. Фото: Maria Senovilla / EPA-EFE

Два изнемогающих борца схватились в крови и грязи, и когда один начинает побеждать, у него

срочно отбирают оружие. А когда он начинает проигрывать, ему вкалывают обезболивающее, чтобы он боролся дальше.

Президент Путин считает, что у него стратегическое преимущество, и что если Украина не будет мириться на его условиях, то он сможет оторвать от нее еще несколько кровоточащих кусков. Президент Зеленский знает, что любой мир будет хуже Стамбульских и тем более Минских соглашений, и продолжение войны для него — единственный способ бессрочно оставаться у власти и избегать вопросов политических оппонентов. Запад считает, что чем больше эти два куска бывшего СССР будут сточены друг о друга, — тем безопасней для Запада.

Мясорубка продолжается.

Редакция может не разделять мнения автора.